

Ф и л о с о ф и я

УДК 340 (075.8)

А.П. Герасименко

О ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И.А. ИЛЬИНА[1]

Критические заметки о теории государства и права Ивана Александровича Ильина (1883-1954), изложенной им в работах «О монархии», «Общее учение о праве и государстве», «О сущности правосознания». Теоретико-правовые представления Ильина определялись его праворадикально-православной идейно-политической ориентацией и собственным вариантом религиозной философии права христианского толка. Адекватное восприятие этой теории государства и права возможно только в среде сторонников государства партийного типа, а именно – православного.

Ключевые слова: Ильин, теория государства и права, православная философия права.

ABOUT STATE AND LAW THEORY BY I.A. ILYIN

There are critical notes on state and law theory by Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883-1954), as it was expounded in his works «About monarchy», «General teaching about law and state», «About sense of justice». Ilyin's law and state theory was based on the rightradical-orthodox mental orientation and his own version of Christian religious philosophy. Adequate perception of this state and law theory may be possible only among supporters of the orthodox party state.

Key words: Ilyin, state and law theory, orthodox philosophy of law.

В отечественной истории политических и правовых учений последних лет И.А. Ильин вниманием не обделен [2]. Излагаемое ниже – не более чем несколько критических заметок и соображений по поводу теории государства и права. Русская теоретическая юриспруденция серьезного влияния на теоретико-правовые представления ни европейских или американских, ни азиатских или африканских народов не оказала. Современные отечественные разработчики теории государства и права, точно так же, как их соплеменники в XIX в., равняются на зарубежную науку права, которая в зависимости от владения языками оказывается у них сосредоточенной если не в США или СК, то в Германии или Франции. В начале XX в., когда Ильин вступил на образовательно-научное поприще, дело обстояло аналогично.

Занятым в юриспруденции людям всегда и везде (в России тоже) было понятно, что определенная совокупность понятий о праве и государстве нужна лишь для того, чтобы освоивший их мог хорошо ориентироваться в своем и зарубежном законодательстве, т.е. был юридически осведомленным. В Российской империи образование и воспитание, гражданское в особенности, строилось на православии, самодержавии, народности, что требовало разработки соответствующей теории государства и права [3]. Поскольку после Манифеста об усовершенствовании государственного порядка

(17 октября 1905 г.) Россия входила в круг передовых государств европейской цивилизованности, решающую роль в гражданском воспитании, да и в подготовке юристов, начинало играть изучение конституционного (государственного) права в его общей части, а значение политико-юридической теории вообще сходило на нет. После перемен в государственном руководстве, произошедших в 1917 г., в нашей стране началось строительство новых (советских) органов власти, сумевших воплотиться в Союз Советских Социалистических Республик, которому удалось окончательно утвердиться в роли преемника Российской империи, вернув себе все потерянное после 1918 г. лишь в результате победы в войне над нацистской Германией и милитаристской Японией в 1945 г. Советские преобразования, в том числе образовательно-воспитательные, требовали теоретического обоснования, которое нашло воплощение в марксистско-ленинской общей теории государства и права. Эта теория представляла собой одновременно и философию права, и правовую идеологию коммунистических преобразований, которые сохраняли свое значение вплоть до 1993 г., когда с принятием очередной новой Конституции России в стране сложилась ситуация, аналогичная 1905 г. Государство как бы снова возвращалась в число передовых, его правовая система освобождалась от коммунистической идеологичности и перестраивалась по европейским юридическим канонам. В русле таких перемен уже нет нужды в какой-то особой политико-юридической теории.

Ильин разделял основные теоретико-правовые представления о праве и государстве, которые были изложены в учебном пособии «Основы законоведения: общедоступные очерки» для гимназий, опубликованном в 1915 г. Вместе со статьей «Понятия права и силы» (1910 г.) раздел «Общее учение о праве и государстве» из названного пособия – это единственные его собственно научные публикации по теоретической юриспруденции, доказывать заурядность которых не стоит труда. Лишь опубликованная в 1925 г. в Берлине работа «О сопротивлении злу силою», в которой Ильин изложил свою православную философию права, вызвала, как он и ожидал, скандальную полемику [4].

Общую теорию права, которая исследует «самую сущность» права, Ильин отличает от философии права (применяющую к праву законы этики, а к науке права – законы логики), а также от «нормативной науки» о праве [5]. Дебаты о месте и роли общей теории государства и права в юриспруденции (как совокупности наук) не прекращались никогда. Ильин не хуже других знал, чем отличается теоретическое знание от эмпирического. Обращенное к праву теоретическое знание, если и раскрывает его «сущность», то делает это, во-первых, понятийно, а не опытно, и, во-вторых, использует политико-юридические понятия, а не философские категории. Общая теория права – это теория именно политико-юридическая, т.е. такая, понятия которой выражают суть культурных (искусственных), а не натуральных (естественных) явлений. Кажется, никто, кроме Ильина, не знал и не знает до сих пор никакой «нормативной науки» о праве. Ведь у него есть еще и наука «политики права», которая вполне способна справиться с обнаружением идеалов – каким, возможно, и должно быть наисовершеннейшее право. Сам он этим не очень занимался, очевидно, полагая, что если уж естественное право на эту роль не годится, то лучше православной нормативности все равно ничего не найти. Поэтому в историю русской политико-правовой мысли Ильин вошел не как теоретик права, а как идеолог права, позицию которого следует считать праворадикальным православием. С этой позиции правовая система Российской империи казалась ему неким оазисом в пустыне всемирного политико-правового кризиса.

Ильин не принимал юридических порядков, создававшихся в «Советии» под руководством коммунистов, за правовые, считал их власть тиранической, а политическое устройство тоталитарным. Когда он пишет о монархическом строе, о русском православии, о гражданском воспитании, тогда ему не хочется возражать. Но когда он пытается зафиксировать свои здравые представления в статьях чаемой Конституции России, тогда возникает чувство протеста [6]. Зачем менять коммунистическую

велеречивость на велеречивость православную? Зачем пытаться реальную (органичную) конституцию России перенести в напыщенные слова юридического акта? Если русская конституция – это органический для страны монархизм, то ее не сможет изменить никакой текст. Ведь он сам это убедительно доказывал, когда рассуждал о внеюридической сущности права. Хороших конституций не бывает. Есть те, что реальны (органичны), а есть те, что идеальны на бумаге. Органичное все равно уцелеет, а бумажное так и останется бумажным. Давно известно, что реальная конституция государства, органичная для страны и народа, редко совпадает с его конституцией, оформленной текстуально [7]. На самом деле, что монархические Япония со своим императором, что Великобритания со своей королевой – несомненные республики, где действительную правительственную власть формирует парламентское большинство. А вот республиканские США со своим президентом или ФРГ со своим канцлером – это монархии, поскольку правительственная власть названных должностных лиц мало чем ограничена, кроме сроков пребывания в должности. Сколько бы конституционных текстов ни написали в России и для России, по своей конституции она все равно останется монархией.

Само право хоть для юриста, хоть для профана – это лишь слова на официальной бумаге. Сущность права не в этом. Ильин полагает, что эта сущность – в духе, другие видят ее в жизненных отношениях. По убеждению Ильина, сущность права имеет природу сверхюридическую [8]. Чтобы постичь ее, как полагал он, необходимо, не выходя из пределов науки, выйти за пределы юриспруденции. Надо, не порывая с научным материалом государственных законов, политических явлений и исторических фактов, проникнуть в их философский, религиозный, нравственный и художественный смысл и постичь их как состояния человеческой души и человеческого духа [9]. Говоря коротко – сущность права следует искать в состояниях человеческой души и человеческого духа. Юрист всегда находится в методологическом затруднении, потому что должен исследовать два совершенно различных предмета: закон как отвлеченное предписание и закон как жизненное явление – то предусмотренное, то не предусмотренное предписанием. Закон есть правило (норма), мысль о юридически верном и правильном; эта мысль выражена в словах, записана или напечатана на бумаге; в мыслях и словах выражено правило внешнего, общественного поведения, а в этом правиле указано – каким людям (обозначенным общими родовыми признаками) какие именно внешние поступки предписываются, дозволяются или воспрещаются («должно», «можно» или «нельзя»). Жизненное явление, исторический факт возникает, развивается и существует не на основании правового закона, не в силу правовой нормы, а в силу «естественных причин»; иными словами, это происходит по «законам» дурной или благой человеческой или вещественной природы, а не по нормам правовым или государственным. Эти явления, «не спросясь у норм», возникают, длятся и кончаются по законам «причинной необходимости», независимо от того, были они предусмотрены правовыми нормами и «уловлены» ими с их «юридическими последствиями» или нет.

Сферой настоящей жизни и действия права, по Ильину, остается человеческая душа, в которой само оно выступает с силой объективной ценности. «Вне духовного состояния множества индивидуальных душ – государства нет и быть не может: государственное состояние людей есть прежде всего и главнее всего их духовное состояние. Если право имеет полноту бытия, то только через правосознание, т.е. через право-чувствование, право-воление, право-мышление и, наконец, право-деяние. Если государство имеет полноту бытия, то только через душевно-духовное переживание и осуществление людьми его цели и его средств, его содержания и его формы. В истинном и полном смысле слова, – права и государства нет вне множества индивидуальных, но связанных постоянным общением правосознаний» [10]. В основе всякого права, и правопорядка, и всякой достойной государственной формы, как утверждает Ильин, лежит духовное начало: человек призван к самостоятельности и самодеятельности в выборе тех предметов, перед которыми он преклоняется и которым он служит.

Ему от бога и от природы дана свобода духовного самовоспитания и самостроительства; это его право, его естественное право и в то же время – его призвание и его обязанность; и с этого всё начинается. Если человек внутренне, перед лицом Божиим, признает это и воспитывает себя к свободе и дисциплине, то ему присуще живое правосознание и он имеет основание считать себя и считаться от других субъектом права. Если же этого нет, то он, как существо без правосознания, будет жить собственным произволом и терпеть произвол от других. Тогда все права, предоставляемые ему, будут напрасным даром: он не сумеет ни воспользоваться ими, ни оценить их, ни сберечь; всякий правопорядок будет им попран и всякая государственная форма будет им нарушена и разрушена.

Без правосознания нет субъекта права, а есть лишь одно трагикомическое недоразумение – духовно пустой человек, которому напрасно предоставляются права живого духа. Тогда и право оказывается пустым словом и жизненным недоразумением, и правопорядок становится фиктивным, а государственная форма обречена на разложение и гибель. Государство, государственная форма, правопорядок и вся политическая жизнь народа суть всегда проявление, живая функция, живое создание множества личных правосознаний, их силы, их верности, их строения, их совестного благородства, их религиозности или, соответственно, их безбожия. И вне этого духовно-функционального освещения и постижения всякое определение права будет формальным, поверхностным и условным, а гражданское воспитание бесплодным.

Ильин считает – Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении только духом «сердечного созерцания и предметной свободы». Это так, потому что русское историческое своеобразие и русское историческое призвание, т.е. русская идея есть идея сердца. «Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно и передающего свое видение воле для действия и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления» [11]. Свое понимание «сердца» Ильин формулировал так: «Человек воспринимает дыхание Божие в глубине своего личного духа – не слухом и не словами, а сердцем: тем таинственным и глубоким, чувствительным, которое мы называем «верою» и «молитвою», а также – вдохновением, совестью, очевидностью или иным актом созерцающей любви. Испытав что-либо из этого – одним актом или многими, долго или кратко, – человек обновляется» [12]. Стоит ли удивляться убежденности Ильина в том, что первое отличие настоящего гражданина – это религиозность, которая означает признание своего «усыновления Богу», почитания самого себя как «искры божественного огня»? Уже после того, как была принята Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), он предлагает зафиксировать юридически в основном законе (конституции) будущей России не права человека, а права и обязанности гражданина. Как и другие консервативно ориентированные теоретики, он понимает, что в действительности человек имеет не права, а обязанности. В трактовке Ильина, настоящий гражданин тот, кто умеет «превращать свою свободу в добровольную лояльность. А это значит переживать и осуществлять свои публично-правовые права как вмененные самому себе обязанности, а свои публично-правовые обязанности – как свои драгоценные и почетные права». Примечательно: по его законопроекту устанавливается категория лиц, «объявляемых вне закона», т.е. таких людей, на которых права и обязанности граждан не распространяются. Такое решение может принимать глава государства в борьбе с «политической смутой, разбоем, неприятельским вторжением или чрезвычайными народными бедствиями», и эти лица «подлежат немедленному аресту и суровому, ускоренному судопроизводству» [13].

Типологически Ильин различал правосознание монархическое и республиканское, подразделяя еще каждое из них на здоровое (нормальное) и больное [14]. Похоже на то, что его многолетняя работа над проблемой монархии ни к чему серьезному не привела, потому что вполне очевидная тео-

ретически и формально-юридически разница между монархической и республиканской формами правления могла бы быть содержательно переосмыслена, если бы сопоставлялись не монархия с республикой, а партийное государство – с правовым. Ведь на глазах у Ильина в России государство лишь меняло свою партийность с православной на коммунистическую. Тогда как в Германии государство из правового превращалось в партийное, а затем снова становилось правовым. Он не видел, что, сочиняя для России православную конституцию, просто восстанавливает прежнюю партийность, не выходя за ее православные пределы и предавая анафеме партийность коммунистическую.

Еще в 1920 г. Ильин говорил, что сочувствует всякой государственной власти, воспитывающей в народе нормальное правосознание. Но очень быстро он стал видеть в большевистских преобразованиях только одно антинациональное зло, которое необходимо уничтожить. После 1945 г., когда к негативному опыту русского большевизма добавился позитивный, а к позитивному опыту итальянского фашизма и немецкого нацизма – негативный, он стал утверждать, что тоталитарное государство обдуманно, принципиально и последовательно заменяет идею правосознания идеей рабочувства [15]. Как бы забывая при этом, что в правосознании далеко не все объясняется эмоциями. Ведь он сам утверждал, что правосознание – это «весь внутренний правовой опыт», который «охватывает и чувство, и волю, и воображение, и мысль, и всю сферу бессознательного духовного опыта» человека [16]. Крах нацистской попытки возродить величие Германии и провал аналогичных фашистских усилий в Италии не поколебали русского национализма Ильина. Идеино-политический террор и казарменный коммунизм, присущие Советской России, заслоняли для него действительные социальные перемены в стране при власти коммунистической партии, которые сама она назвала социализмом. Поэтому он, понимая неотложность социальных перемен, категорически отказывался связывать эти перемены с социализмом. Политическому мыслителю, юристу по образованию и философу по призванию, следовало бы все-таки четче представлять, что социал-демократы, национал-социалисты и коммунисты представляют себе реальный социализм по-разному. Считая социальность и социализм антиподами, Ильин не хотел замечать, что в ряде современных ему стран (скажем, в Австралии, Новой Зеландии, Швеции) подлинного социализма больше, чем в самоназванном социалистическом союзе советских республик на его родине. Что, кстати сказать, понимал антипатичный ему Н.А. Бердяев со своей «коммунотарностью» (влиятельный ныне коммунитаризм). В этом смысле Ильин остался в плену категорий советской коммунистической идеологии, которую так яростно разоблачал.

Ильин считал, что теория государства и права должна быть сосредоточена на правоотношениях. Утверждать, что для него средоточие всего юридического – это правосознание, конечно, можно. Он действительно много и специально занимался проблематикой правосознания, но только потому, что разрабатывал не теорию права и даже не теорию правосознания, а лишь консервативную правовую идеологию. Поэтому за его монархическим и республиканским типами правосознания скрываются, скорее всего, типы консервативно-патриотичный (всегда здоровый) и либерально-космополитичный (часто больной).

Ильин относил себя к тем интеллектуалам, которые разделяют религиозно-духовные основы мирозерцания. Он был литературно одарен, красноречив и многословен, хотя стремился изложить свои основные мысли программно и даже опубликовал набросок основных законов будущей России, т.е. конституции в «Наших задачах». Не будет преувеличением сказать, что подлинный Ильин сосредоточен в этой серии как бы итоговых для него небольших статей 1948-1954 гг., которые и сегодня вполне могут служить источником лозунгов, призывов, установок, т.е. использоваться по назначению – питать неугомонных искателей русской идеи и служить патриотичной пропаганде и агитации. Трудно судить, удалось бы ему сделать в теоретической юриспруденции или философии права больше, если бы он не был так поглощен неблагоприятным идеологизированием, которое при жизни оказа-

лось почти не востребуемым, а посмертные лавры все-таки всегда вяловаты. В глубине души ему наверняка хотелось, чтобы когда-нибудь о нем написали так, как он написал «Светлой памяти генерала П.Н. Врангеля», т.е. как о белом воине и русском рыцаре православной государственности.

1. Иван Александрович Ильин (1883-1954) окончил юридический факультет Московского университета в 1906 г. и был оставлен здесь готовиться под руководством П.И. Новгородцева (1866-1924) к преподаванию истории философии права. В 1909 г. Ильин сдал магистерские экзамены и стал работать приват-доцентом в Московском университете. К 1916 г. он подготовил диссертацию по гегелевской философии, которая была опубликована в двух томах в 1918 г. под названием «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» и защищена в Московском университете в том же году. За первый том Ильину присвоили степень магистра, а за второй – доктора юридических наук. В 1922 г. новые власти выслали его за границу, где он жил и работал: до 1938 г. – в Германии, а потом, до 1954 г., – в Швейцарии. См.: Томсинов В.А. Иван Александрович Ильин (1883-1954). Русские правоведы XVIII-XX веков. Очерки жизни и творчества. – М.: Зерцало, 2007. – Т. 2. – С. 490-662; Герасименко А.П. «Русская идея» (политико-правовое учение И.А. Ильина) // Политика и право. Ученые записки. – Благовещенск: АмГУ, 2017. – Вып. 17. – С. 6-28.

2. См., к примеру: Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России: учебник. – Изд. 2-е. – М.: Юрист, 2003; История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. О.В. Мартышина. – М.: Норма, 2006.

3. Формулировку и широкое распространение идеологемы «православие, самодержавие, народность» обычно связывают с именем С.С. Уварова (1786-1855), который в 1818-1855 гг. был президентом Академии наук, а с 1833 г. по 1849 г. по совместительству возглавлял Министерство народного просвещения. С.В. Рождественский (1868-1939) в своем труде, посвященном 100-летию этого министерства, писал: «В основу деятельности министерства С.С. Уваров положил широкую программу, построенную на исторических принципах русской государственности и культуры. «Приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному быту, к нашему народному духу», утвердить его на исторических началах православия и народности, по мысли Уварова, необходимо для сохранения могущества и благосостояния России. Эту знаменитую программу, выражавшую общий охранительный характер политики императора Николая I, министр изложил во всеподданнейшем докладе 19 ноября 1833 г. и неоднократно повторял ее в ежегодных отчетах о деятельности министерства, во всеподданнейших докладах по общему вопросу народного просвещения, в обзоре деятельности министерства за 10 лет (1833-1843 гг.), в циркулярных распоряжениях». См.: Рождественский С.В., Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения // Народное образование в России. Исторический альманах. – М.: Народное образование, 2000. – С. 149.

4. Он написал очень много и немало напечатал, но вот ни «О сущности правосознания», ни «О монархии» сам публиковать не стал, хотя «Аксиомы религиозного опыта» обнародовал. Работа Ильина «О сущности правосознания» была опубликована в Мюнхене только в 1956 г. его вдовой Н.Н. Ильиной (Вокач), а незавершенный труд «О монархии» довел до печати Н.П. Полторацкий (1921-1990), издав его под названием «О монархии и республике» отдельной книгой в Нью-Йорке в 1979 г. Ни первая, ни вторая из названных публикаций новым словом в общей теории права и государства не стали, хотя, может быть, все еще ждут своих истолкователей. Нужно сказать, что аспирантка и преподаватель Амурского государственного университета Т.Б. Сазонова (сегодня – Чердакова) стала одной из первых на этом пути и защитила в 1998 г. в Московском университете кандидатскую диссертацию «Право и правосознание в учении И.А. Ильина». Основное содержание этой работы стало общедоступным в 2006 г. См.: Чердакова Т.Б. Ильин о нравственных основах права и государства. – Благовещенск: Амурский гос.ун-т, 2006.

5. См.: Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И.А. Теория права и государства. – М.: Зерцало, 2003. – С. 156. В завершающем параграфе, названном «Деление наук о праве», здесь говорится: «Науки о праве исследуют только те отношения, которые предусмотрены и признаны правовыми нормами». Поэтому по методу (т.е. с «точки зрения, с которой ведется изучение правоотношений») они делятся на социологию права, историю права, политику права, а также нормативную науку о праве; а по характеру (т.е. по «свойствам изучаемого предмета») – на науку публичного права (церковного, государственного, административного, финансового, уголовного, судебно-уголовного и гражданского процессов) и на науку частного права (вещного, обязательственного, семейного, наследственного), к которым примыкает наука международного права. «Таковы основные юридические науки. К ним следует добавить еще общую теорию права и философию права». Там же. – С. 153-156.

6. Его текст: «О Российском Государстве. Ст. 1. В порядке Божьего изволения возникшее, Божьим Промыслом в веках ведомое, Российское Государство утверждается как установление по духу своему христианское и национальное, призванное ко хранению и осуществлению закона правды в жизни российских народов. Ст.5. Российское Государство есть единство священное, ибо оно объединяет людей не только внешне, но и внутренне, не токмо за страх, но и за совесть, не токмо перед лицом всех людей, но и перед лицом Божиим. Российское Государство служит делу Божьему на земле: оно ограждает и обслуживает жизнь русского нацио-

нального духа в его единстве и его всенародной и общенародной совокупности.» См.: Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг.: В 2 т. – М.: МП «Рарог», 1992. – Т. 2. – С. 72, 73.

7. В авторитетной «Britannica» говорится: «Конституция (constitution), свод доктрин и правил, которые формируют фундаментальный организующий принцип политического государства. Может быть написанной (например, конституция США) или частично написанной и некодифицированной (например, британская конституция). Ее положения обычно предписывают, как должно быть организовано правительство, какие у него должны быть права, какие права предоставляются народу» См.: Britannica. Настольная энциклопедия. – М.: АСТ, 2006. – Т. 1. – С. 912.

8. См.: Ильин И.А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – С. 417-420, 446, 453.

9. Если выбрать из текстов Ильина только то, что написано им о духе, то получится объемистый томик. Приведем здесь наиболее простое и свободное от экзальтации рассуждение: «Душа не то же самое, что дух. Душа – это весь поток нетелесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений; приятных и неприятных, значительных и незначительных состояний; воспоминаний и забвений, деловых соображений и праздных фантазий и т.д. Дух – это, во всяком случае, лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Божеством – в умозрении, молитве и таинстве; словом, на то, что человек признает высшим и безусловным благом. Этим различие между «душою» и «духом», конечно, не исчерпывается; но в пределах человеческого опыта оно начинается именно здесь. Дух – это то, что объективно значительно в душе». См.: Ильин И.А. Религиозный смысл философии // Ильин И.А. Путь к очевидности: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – С. 17.

10. См.: Ильин И.А. О сущности правосознания // Теория права и государства. – С. 373.

11. См.: Ильин И.А. Наши задачи. – Т. 1. – С. 323-331.

12. См.: Там же. – Т. 2. – С. 151.

13. См.: Там же. – Т. 2. – С. 75, 77.

14. Справедливости ради отметим его стремление избежать в решении этого вопроса крайних выводов. Так, он соглашается, что у монархического и республиканского правосознаний есть как сильные, так и слабые стороны. «Нельзя выделить одни сильные стороны монархического уклада души и противопоставить их слабым сторонам республиканского уклада, и обратно. Нелепо и несправедливо было бы сказать, что республиканское правосознание своекорыстно и продажно, а монархическое – бескорыстно и неподкупно; или – что монархическое правосознание характеризует рабскую натуру человека, а республиканское – человека со зрелым и свободолобивым самочувствием». См.: Ильин И.А. О монархии и республике. – С. 454-455.

15. См.: Ильин И.А. Наши задачи. – Т. 2. – С. 192. Ильин изучал фашизм непосредственно в Италии («Письма о фашизме» 1925-1926 гг.), а нацизм – в Германии («Национал-социализм» 1933 г.), о чем сегодня можно судить по первоисточникам, опубликованным в Москве «Русской книгой», в томе его «Собрания сочинений (статьи, лекции, выступления 1906-1954 гг.)» на русском в 2001 г. Видно, что он старался написать о том и другом правдиво, усматривая в них спасительные для итальянцев и немцев идейно-политические движения, способные оздоровить национальное правосознание. Но вот рассуждать в таком же духе о большевизме (коммунизме), даже в годы после его победы в мировой войне 1939-1945 гг. и восстановления русского государства во всем его величии, он отказывался. Это тем более поразительно, что совершенное сходство ролей Муссолини в Италии и Сталина в России не могло не бросаться в глаза и менее пронизательному, чем он, человеку.

Ильин писал о личности Муссолини: «В жизни народов бывают искивые эпохи, когда нация стоит перед лицом приближающейся или близкой опасности, а инстинкт национального самосохранения молчит или болезненно мятется и заблуждается в душах массы. И бывает так, что именно в это время этот инстинкт таинственно сосредоточивается и верно показывает в душе одного человека. Не всегда такой человек становится политическим вождем и спасителем страны: безвольно созерцающий мудрец, может быть, все поймет, но ничего не предотвратит и ничего не создаст. Необходимы еще два условия: во-первых, у такого человека должна быть способность и воля к власти; во-вторых, власть должна быть для него более или менее доступна. Но если все три условия соединяются, тогда осуществляется та живая тайна объединения множества людей в одном человеке, которая лежит в основе настоящей монархии; это объединение создает народного вождя (который может и не называться «монархом»), а воля вождя овладевает шоковой ситуацией. Именно таково было, например, возвышение Октавиана Августа и Наполеона Бонапарта. Муссолини стал итальянским народным вождем потому, что все необходимые для этого условия соединились в его личности». См.: Ильин И.А. Собрание сочинений. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906-1954). – М.: Русская книга. – С. 239-240. Так вот, если вместо «Муссолини» вписать «Сталин», то насколько сильно это будет грешить против действительности?

16. См.: Ильин И.А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности: Сочинения. – С. 261.